

ЮЛЯ АРТЁМОВА

А
В
РЕ
А
В
О
Ц
М
А

КНИГА СОДЕРЖИТ ОБСЦЕННУЮ ЛЕКСИКУ

ПЕРЛЯЎМБЕЎМ

Юля Артёмова
Я и есть революция
Серия «Самое время!»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67148219
Я и есть революция: Время; Москва; 2022
ISBN 9785969122185

Аннотация

Это очень искренняя, очень женская и очень по-хорошему злая история: про революцию и любовь, про братство и сестринство, про распадающиеся иллюзии и взросление как выбор.

Содержание

Часть 1. Задание	6
Часть 2. С самого начала	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юля Артёмова

Я и есть революция

Художественное электронное издание

Издание осуществлено в рамках издательской инициативы «Пфляумбаум»

пфляумбаум

© Артёмова Ю., 2022

© «Время», 2022

* * *

Юля Артёмова

Я И ЕСТЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Повесть

Часть 1. Задание

В общем, задание было таким: нужно внедриться (Чашин так и сказал) в совершенно незнакомую среду и снять историю. Это вроде как бросаешь человека, не умеющего плавать, в реку, и он либо тонет, либо выплывает. Только вы сами выбираете воду себе по силам, глубине и лихости течения, и прыгать в неё тоже будете сами, никто вас в спину толкать не будет, не маленькие уже.

– У меня, знаете, был один такой пару лет назад, он тоже снимал, а потом снюхался с торчками и стал по вене пускать, пропал совсем парень, Лёша Введенский, может, знаете такого, нет? Ну, не знаете и не знаете. Жалко хлопца, но первые снимки, которые он оттуда принёс, были очень сильные, мальчик-то талантливый был... Был да сплыл. Я это к чему, дети мои? Думайте головой, соизмеряйте риски, но не особенно себя жалейте, на жалости к себе хороший материал не сделаешь, поверьте моему опыту. Так что не ссыте в компот. Ну и помните, в какой стране мы живём.

– А можно снимать не здесь – в другой стране? – спрашивает Харченко.

– Можно. Всё можно. Весь мир ваш дом.

Это всё пиздёж для красного словца, Чашин жалуется красное словцо и красное винцо.

Мой дом сегодня недалеко от ВДНХ, оранжевая вет-

ка метро, изолированная комната площадью четырнадцать квадратных метров за двенадцать тысяч в месяц, санузел совмещённый, снимаю напололам с одной девкой из Воронежа, тихая, скучная, долго в ванной не засиживается, посуду в раковине не оставляет – словом, соседка что надо. А Харченко – с ним тоже всё понятно. Харченко не снимает бабушатник – Харченко поедет снимать на Донбасс, на днях что-то такое сказал за обедом. Харченко не ссыт в целом и в компот в частности. Тем более что компот в нашем буфете действительно вкусный, а вот котлеты – та ещё хлебная дрянь.

– А был у меня ещё один, делал историю про мигрантов из Средней Азии – гастарбайтеров значит, и так втянулся, что потом в активизм ушёл, всё что-то помогал им с документами, жильём, какие-то деньги собирал. Тоже, конечно, его дело, но, сами понимаете, активизм с документалистикой несовместим. Ты либо работаешь в кадре, либо работаешь за кадром. Ну, это, я думаю, всем понятно. Лучшие проекты будем пристраивать в журналы, может быть, даже на World Press Photo, чем чёрт не шутит. Так что никакой халтуры, друзья, это в ваших же интересах. Всем удачи, на сегодня всё!

По аудитории волной поднимается и идёт радостный галдёж, он с головой накрывает меня. И я психую, паникую, теряюсь, смахиваю в сумку телефон, блокнот, ручку – весь свой хлам. Я второй месяц в Москве, мне двадцать три, и в этом городе я почти никого не знаю. И что снимать –

тоже не знаю. Выручает Митяй. Приезжай, говорит, завтра к шести часам на Белорусский вокзал, я тебя кое с кем познакомлю.

Я только со съёмки, ничего интересного, опять ультрамодный шмот для каталога, но деньги мне очень нужны. Немного опаздываю, за спиной рюкзак с фототехникой, из-за него я квадратная и двигаться через толпу неудобно. Пока шла от метро, сразу выцепила взглядом его, ещё до того как увидела, что он с Митяем. Высокий, несбыточной красоты, светлые вьющиеся волосы, полуулыбка, как ангелочков рисовали на старинных открытках, вот такой вот мальчик, в раздолбанных, конечно же, ботинках. И Митяй рядом с ним, смешной и нелепый, как пенёк, суется и машет мне рукой. Подхожу с самым невозмутимым видом.

– А, вот и ты! – приветствует меня Митя. – Знакомься, это Костя, он у мамы анархист, поэт, активист, ну и – кто ты там ещё? – это он уже Косте, резво колет его острым локтем в бок.

– Тебе ведь что-то такое надо было, да, Дашунь? – это снова мне.

Мы же с Костей стоим молча и улыбаемся, не столько друг другу, сколько вообще.

– Ну, Костя, скажи что-нибудь, – продолжает Митяй. Митяем движет удивительная сила быть полезным, нужным и в конечном счёте незаменимым для каждого, с кем он пересекается больше чем на полчаса.

– Привет, – говорит Костя и протягивает мне руку.

Я слегка касаюсь его ладони, пальцы у него холодные, может быть, потому, что сегодня ноябрь, а может быть, потому, что, как говорила моя мама, «холодные руки – горячее сердце».

– Привет, – тихо отвечаю я, строю из себя скромницу, а сама представляю, как беру пальцами золотую пружину его волос, оттягиваю, а потом отпускаю, и она звонко подскакивает вверх, прямо к его лицу, и щекочет лоб, и он смеётся, и я смеюсь.

– Если хочешь, пойдём ко мне – тут недалеко, – предлагает Костя. – Там всё и обсудим.

Я киваю и украдкой улыбаюсь себе в плечо.

– Ну ладно, вижу, вы тут сами без меня разберётесь, а мне пора! – Митяй слегка хлопает по плечу Костю и отваливается в толпу, которая уносит его прямо в метро.

Мы идём молча, я смотрю себе под ноги, иногда украдкой поглядываю на Костю. Сердце моё взволнованно бьётся: вот он совсем рядом, всё, что я знаю о нём, – его имя и цвет глаз, но от его присутствия мне делается тепло и сладко, как будто нет этого ноября, этой облезлой Москвы, этих пошарпанных дворов, где голуби клюют чью-то засохшую блевоту.

Костя действительно живёт совсем рядом – перешли дорогу, немного углубились во дворы, и вот нужный нам подъезд, нужный нам этаж, нужная нам дверь и тёплые сухие внутренности его квартиры.

Костя даром что живёт в самом центре, на кухне под потолком голая жёлтая потная лампочка, из мебели только холодильник, плита да старый скособоченный фанерный шкафчик для посуды, а из еды – пачка дешёвых макарон и какие-то опилки вместо чая. По одной щепотке этих опилок отправляется по чашкам: одна для меня, пузатая, красная, другая для Кости – с отбитой ручкой и трещиной, очень гостеприимно с его стороны.

Через полчаса приходит Фил («Даша, знакомься, это Фил»), здоровается кивком головы и молча копошится в холодильнике. Вид у него неприветливый, недобрый, лысая крепкая голова, злой нервный взгляд, сильные руки, покрытые татуировками, на локте паутинка – уже потом мне объяснили, что это значит.

– Фил – мой старый друг, он тоже здесь живёт, это длинная история, – объясняет Костя, ничего на самом деле не объясняя. Таких длинных историй будет ещё очень много между нами, но сегодня только эта, и я молча допиваю свой чай.

Так я стала ездить к Косте почти каждый день в перерывах между работой, перевела на него катушек десять плёнки, Чащин бы оценил мою жертву: плёнка не достаётся мне даром, я лимита, ничто не достаётся мне даром, особенно в этом городе, но видели бы вы этого Костю, на него никаких плёнок не жалко.

– О, вот эта точно будет отличной, поставишь на аву

«ВКонтакте», – неловко шучу.

– Меня нет в соцсетях. Только в фейсбуке, и то не под своим именем, – ледяным невозмутимым голосом отвечает Костя.

– Это твоя принципиальная позиция?

– Принципиальная.

Он наклоняет голову набок, как кошка, которой что-то от тебя нужно. Косте, разумеется, ничего от меня не нужно, это такая неловкая игра, которая установилась между нами с первых же дней. Или же, наоборот, игра очень ловкая и тонкая, словно стенки мыльного пузыря. В любом случае из этого точно получится отличный кадр.

Иногда по вечерам пересекаюсь с Филом, он почти не говорит со мной, а когда коммуникации всё же не избежать, просто зло сплёвывает слова через губу. Мы встречаемся с ним в тёмных коридорах, к счастью, довольно широких, чтобы можно было разминуться. Иногда мне хочется, чтобы Фил попал в кадр как часть всей этой жизни, обстановки, ну и просто он яркий, злой, все его татуировки, шмотки, бульдожий взгляд, молодое звериное тело, мощное, сильное, означающее лишь одно: тебе пиздец.

И мне правда пиздец. Но однажды я набираюсь вина, я набираюсь смелости, я набираю воздух в лёгкие.

– Фил, посмотри на меня, – прошу я его и навожу объектив.

И он молча размазывает меня взглядом по стенке – вверх-

вниз, вверх-вниз, – как будто мажет талое масло на кусок хлеба.

Часть 2. С самого начала

Однажды – помню, ещё в школе училась – я на минуту присела на ступени Дворца Республики, чтобы завязать шнурки. Ко мне тут же подошли два омовца. Сразу два. Любой из них справился бы с десятком таких, как я, в одиночку. Вставайте, девушка, здесь нельзя сидеть. Непозволительная дерзость с моей стороны! Ступеньки нужны, чтобы по ним спускаться и подниматься, а для того, чтобы сидеть, есть скамейки. Подземные переходы нужны для того, чтобы по ним перебраться на другую сторону улицы, не останавливая, не разбивая поток машин, но не для того, чтобы собираться там и петь песни под гитару. Площади нужны для того, чтобы вымостить их мелкой серой шершавой плиткой, по которой, словно жуки, будут ползать два омовца и следить, чтобы вы проходили мимо, не задерживались, не мешали другим гражданам. В конце ноября можно, конечно, поставить ёлку: праздник как-никак, но и это ничего не меняет. Просто продолжайте движение, не задерживайте остальных.

Я всегда подозревала: здесь что-то не так. В моей родной стране, в моём родном городе всё имеет лишь утилитарный смысл, всё понимается слишком буквально. Бог с ними, со ступеньками, переходами, но площади – площади жаждут другой судьбы. Площадям нужны революции.

Эту мысль я привезла с собой из Киева – как сувенир –

в то самое лето, когда мне исполнилось восемнадцать. Вступительные экзамены сданы, Машины ноги в жёлтых кедах свисают с верхней полки плацкарта. Вписываемся у Алёны, Машиной сестры, она три года живёт в Киеве, дизайнер одежды. Тут, говорит, есть рынок, а у нас что? Ни рынка, ни площадей, ни революций.

Мы ездили в Киев при каждой возможности, как будто других городов не существовало. Когда бы мы ни приезжали, в Киеве шли очередные выборы. На Майдане Незалежності стояли агитационные палатки, мы петляли между ними, нагребали кучу листовок разных партий и смеялись, читая их вслух на ломаном украинском. Киев так и запомнился мне – яркой шумной ярмаркой, даже в самые унылые месяцы года. И площадь, на которой люди, толпа людей. Площадям нужны революции. А если не хотите революций, если не хотите перемен, незачем в городе делать площади, незачем мостить эти площади брусчаткой.

Я потом смутно уловила, что есть существенная разница между нами и украинцами, между Минском и Киевом, объясняющая, почему наши площади всё время пусты. Не площади, а поля, засеянные мелкой серой плиткой, которая неизменно даёт всходы. Мне кажется, из этой плитки вылупляются менты, ну из этой, мелкой серой; а из бордовой, которой поменьше, наверное, омововцы.

Впервые я заметила эту разницу в тот декабрьский вечер две тысячи десятого. Я увидела её через объектив своего фо-

тоаппарата. Объектив – это неслучайное слово, он показывает всё как есть, без шелухи. Я заглянула в него тогда и больше не смогла оторваться.

Кстати, фотоаппарат. Моя первая зеркалка. Мама говорила: главное – получить профессию, а для души у тебя может быть хобби. У меня никакого хобби не было. Что мы знаем о себе в семнадцать? Родители на совершеннолетие подарили мне фотоаппарат. Государство подарило возможность голосовать, выбирать президента. Я выбрала, а вечером мы пошли на Плошчу: я, Маша и Митяй.

Недалеко от нас в толпе стояла колонна анархистов, с фаерами и чёрными флагами. Они выкрикивали: «Выйди на улицу, верни себе город». А для начала верни себе площадь или, к примеру, вот этот проспект. И я ступила на проезжую часть осторожно, как ступаешь в незнакомую реку, пробуя температуру воды и силу течения. Мы двинулись в сторону Дома правительства, игнорируя разметку и двойную сплошную, не представляю, куда разом делись все машины. Кто-то развернул флаги, а кто-то – пачку печенья. Я остановилась и обернулась. Толпа тёплой рекой оплывала нас, людей за нашими спинами было до горизонта, им не было конца.

Что было потом, все знают.

Крики, хруст веток, тупые резкие звуки ударов. Кто-то резко вырывает меня из толпы, а я пальцами цепляюсь за фотоаппарат, единственное моё сокровище: Маша говорила,

что фотоаппараты разбивают в первую очередь.

Прямо передо мной на плитку падают люди – пожилые, молодые, женщины и девушки, парни, мужчины, – и я отступаю и не знаю, что делать: и стоять невозможно, и уйти никак нельзя. И ещё камера на шее, я поначалу прячу её, куда в шарф, как живую. А потом сама прячусь за ней, смотрю в маленькое прямоугольное стёклышко видеоискателя – и всё происходящее кажется фильмом. И почему-то не могу нажать кнопку.

– Надо уходить, – тихо говорит Митя. Мы берёмся за руки, чтобы не потеряться, идём быстро, стараясь не срываться на бег.

Прямо перед нами пробегает колонна бойцов в чёрном, мы будто стали для них невидимыми.

Мы отходим дворами, нет ничего – кроме испуганных округлившихся глаз, – что бы выдало в нас протестующих. Мы просто дети, загулявшие допоздна. Фотоаппарат камнем висит на моей шее и тянет меня туда, на небезопасное дно. Тогда я впервые ощутила это чувство, щекотное и волнительное, когда хочется быть в самой гуще, видеть, как меняется история, чтобы потом рассказать об этом другим. В тот раз я была не готова, я ушла без единого кадра.

Мы возвращаемся по домам молча, словно пристыженные. Говорить тут особенно нечего. До этого никто из нас не интересовался политикой, но мы начали – после этого вечера. А я поняла, кем хочу быть. Через месяц я купила свой

первый широкоугольный объектив.

А ещё через год мы снова поехали в Киев, только я так и не смогла вернуться в Минск. Ничего не планировала, просто проводила Машу на поезд, а сама осталась стоять на перроне. Маша до последнего думала, что это шутка, что вот сейчас, пока поезд ещё не разогнался, я побегу, запрыгну в вагон, сяду рядом с ней и закажу у проводницы кофе 3 в 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.